

Предисловие к книге Максима Комара-Мышкина «Ночь Владимира»

Необычная смесь анимированных объектов, политической акции, грубой сексуальности и жестокости в книге «Ночь Владимира». Рои Розен о писателе и художнике Максиме Комар-Мышкине.

Русский писатель и художник Ефим Поплавский (1978–2011), известный под псевдонимом Максим Комар-Мышкин, однажды описал свое творчество как «персональный дрек». С большинством его текстов и работ были знакомы лишь избранные, а свой магnum opus «Ночь Владимира» он держал в секрете даже от близкого круга. Критическое отношение Поплавского к собственному искусству (на идише слово «дрек» означает «хлам, говно»), однако, не противоречит его вере в то, что оно способно причинить реальный, а то и сверхъестественной силы вред. Подобно кукле вуду, это самодельное приспособление изготавливалось для причинения вреда властной фигуре Владимира Путина на расстоянии. Комар-Мышкин полагал искусство паразитическим хламом, которому должно быть скрытным и осторожным. Этот хлам, тем не менее, может обладать огромным, поистине убийственным потенциалом.

В конце 1990-х годов Комар-Мышкин иммигрировал в Израиль, где вскоре создал художественную группу «Погребенные заживо», сплотившую молодых, в прошлом советских художников, актеров, музыкантов и писателей. Название снова говорит само за себя, передавая как свойственное коллективу мрачное чувство юмора, так и шизофренический настрой их деятельности. Манифест «Погребенных заживо» 2004 года свидетельствует о решительном самоотчуждении группы от израильской культурной сцены, по отношению к которой они чувствовали внутреннее превосходство. Эта обособленность, естественным образом, становилась причиной многих трудностей и порождала атмосферу неуверенности. Главными вдохновителями «Погребенных заживо» были участники московского неофициального искусства 1960-80-х годов («Ночь Владимира» по своей форме близка ранним альбомам Ильи Кабакова и Виктора Пивоварова), и молодые художники видели себя последователями традиции автономной, интимной и публично не признанной деятельности, характерной для московского круга – самодостаточной художественной среды, лишенной привычных иерархий и материальных ценностей, зиждущейся на личных отношениях и чувстве принадлежности, глубоко разуверившейся в возможности признания со стороны советской официальной культуры и тем более западного мира. Впрочем, название «Погребенные заживо» отражало для Поплавского и подлинный страх: страх, почерпнутый из рассказа Эдгара Аллана По «Преждевременное погребение» и приумноженный тревожившей его острой паранойей.

Мы познакомились с Поплавским всего за два года до его самоубийства. В то время я работал над фильмом об Авигдоре Либермане, израильском министре иностранных дел правого

толка. Либерман родился в Молдавии, и большую часть его электората составляли иммигранты из Советского Союза. Моя работа основывалась на содержании его публичных высказываний. Предполагая, что в обращении к русскоязычному сообществу они могут звучать несколько по-иному, я нуждался в помощи с поиском и переводом текстов и интервью на русском языке. Несколько моих студентов посоветовали обратиться к Комару-Мышкину.

В Поплавском меня с самого начала поразил контраст между трезвой иронией и вспышками тревоги, конспирологической мнительности и бредовых страхов. Вскоре мне предстояло узнать, что эти припадки скрывали куда больше страданий, чем я мог себе вообразить. Ефим Поплавский считал, что Путин состоит с ним в личной вражде. Несмотря на то, что Комар-Мышкин был безвестен, обделен властью, да и Россию покинул десятилетием ранее, он допускал вероятность покушения на свою жизнь. Длительное время я принимал этот его страх за дежурную шутку и, убедившись в обратном, попытался добиться от Комара-Мышкина какого-либо уточнения причин или доказательств такой угрозы, хотя для него, как мне известно, они были очевидны и вездесущи. Обостряясь, эти страхи привели художника к почти полной изоляции в последние недели его жизни. В таком контексте «Ночь Владимира» становится секретным художественным возмездием Поплавского: пытая, насилуя и убивая российского лидера, объекты в книге буквальным образом одушевляются, дабы воплотить месть заклятому врагу.

На мой взгляд, анимизм занимает центральное место в художественном подходе Комара-Мышкина, а также свидетельствует о глубине его душевной болезни. Своим представлением об анимизме он во многом обязан Фрейду, однако, сродни Бретону и Дали, его не интересовали ни прогрессивные домыслы Фрейда (который вслед за антропологами XIX века относил анимизм к магическому мышлению и первобытной культуре), ни терапевтические возможности и научные притязания психоанализа. Его скорее пленял радикальный потенциал дестабилизации художественной формы (как он бы сказал – художественного «тела»), которым обладала, по его мнению, теория Фрейда, высвобождающая силы жуткого, особенно в случае анимизма. В этом смысле необычная смесь анимированных объектов, политической акции, грубой сексуальности и жестокости в книге «Ночь Владимира» стала для Поплавского средством передачи некоего несингулярного, поливалентного существования. Нарушая границу между воображаемым и реальным, такое существование не поддается классификации, является дезориентирующим, иными словами: правдивым. Однако размывание границ для Комара-Мышкина произошло не только в искусстве и имело трагические последствия. Он, похоже, сам перешел по ту сторону границы, отделяющей его подобные ночным кошмарам страхи от реальности, будучи больше не в силах контролировать меру одухотворения неживых предметов.

Когда «Ночь Владимира» была найдена среди вещей Поплавского, участники «Погребенных заживо» разошлись во мнениях относительно дальнейшей судьбы произведения. Некоторые его бывшие коллеги считали, что книга должна, согласно принципам Комара-Мышкина, в некотором роде остаться в секрете, по самиздатовской традиции переходя из рук в руки.

Другие же сочли альбом заслуживающим профессиональной публикации с переводом, но без аннотации либо контекстуализации, чтобы не ослаблять его дезориентирующее воздействие. Однако вскоре большинство из ближайшего круга Комара-Мышкина сошло во мнении, что богатая телеология его параноидальной эстетики, в которой каждый образ скрывает мириаду отсылок и ассоциаций, так нуждается в исследовательской интерпретации. Учитывая оба мнения, мы посчитали уместным опубликовать такие примечания в отдельном разделе. Таким образом, в ознакомлении с произведением исключены препятствующие элементы, а при желании и наличии серьезных побуждений также предоставляются ориентиры для декодирования его секретов и схем.

Согласившись, по просьбе бывших участников «Погребенных заживо», стать редактором настоящего издания, я чувствовал, что вряд ли сам смогу оценить книгу по справедливости, поскольку не являюсь носителем русского языка, а также не знаком с нюансами коммунального опыта культурной иммиграции и свойственной группе поливалентности, проявлением которой является «Ночь Владимира».

Ввиду этого написание комментария было доверено Розе Чабановой, докторанту кафедры сравнительного литературоведения Яффского Университета, которая не только является выдающейся молодой исследовательницей авангарда в русской литературе, но и неизменно на протяжении ряда лет вращалась в кругах «Погребенных заживо» еще до преждевременной смерти Поплавского.

Кроме того, стоит вспомнить и о судьбе других работ Поплавского, многие из которых существовали – причем, без сомнений, умышленно – в эфемерном, неразрешенном либо незаконченном состоянии. Нам показалось, что собрание текстов авторства Комара-Мышкина скорее достойно быть изданным отдельно, нежели в виде большого компилятивного дополнения к настоящему изданию. Тем не менее, г-жа Чабанова решила всё же опубликовать самые ценные из его текстов, дополнив ими свои комментарии. Благодаря этому читатель имеет возможность ознакомиться со значительной частью небогатого наследия Комара-Мышкина в соотношении с произведением «Ночь Владимира».

1

ВЛАДИМИР В СВОЕМ ЛЕТНЕМ ОСОБНЯКЕ.

ОН УЖИНАЕТ.

ЛУЧШАЯ ИЗ ПОДРУЖЕК ВЛАДИМИРА С НИМ.

ОНА ТАК ЕГО ЛЮБИТ, ЧТО ПРИСЛУЖИВАЕТ ЗА СТОЛОМ НАРЯДИВШИСЬ, КАК ПЕС.

7

НАД КРОВАТЬЮ БОГ, ОН ОБЕСПЕЧИВАЕТ ПОДАЧУ ПРИЯТНЫХ СНОВ,

И ЧУЧЕЛО ГОЛОВЫ ЖУРНАЛИСТКИ - ВЛАДИМИР УБИЛ ЕЕ НА ОХОТЕ ПАРУ ЛЕТ НАЗАД.

ПРЕЖДЕ, ЧЕМ УСНУТЬ, ВЛАДИМИР ПЯЛИТСЯ В ШКАФ.

ЕМУ ВСЕ ВРЕМЯ МЕРЕЩАТСЯ ЛИЦА.

ЧТО ТАМ ВЫСОВЫВАЕТСЯ ИЗ ШКАФА?

УЛЫБАЮЩИЕСЯ НОСКИ И ГЛУПЫЕ СВИТЕРА!

ЧТО ТАМ ВЫЛЕЗАЕТ ИЗ ВЫДВИЖНОГО ЯЩИКА?

НОЖНИЦЫ, ПИНЦЕТ И - ПОДАРОК ПРЕМЬЕР МИНИСТРА ЗЕМЕЛЫ: УТЮГ,

ТАБЛЕТКИ СЧАСТЬЯ, ПИЛЮЛИ ВЕСЕЛЬЯ И РАДОСТНЫЙ ПИСТОЛЕТ ИЖ С ГЛУШИТЕЛЕМ,
ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС, ТОВАРИЩИ! - ПАЯСНИЧАЯ ТИКАЮТ ЧАСЫ.

ВЛАДИМИР ТАК ЧИСТ! НАМ ТАК ЗДОРОВО С НИМ!
КАКИХ ОЖИДАТЬ НА СЕГОДНЯ ПРОКАЗ?

ПИЖАМНАЯ ВЕЧЕРИНКА, ИЛИ, НА ЭТОТ РАЗ, КАКОЙ-ТО ОСОБЫЙ КОНГРЕСС?
И ХВАТИТ ЛИ МЕСТА ВСЕМ В КРОВАТКЕ ШЕФА?

ВЕЩИ ВХОДЯТ ВЛАДИМИРУ В ТЕЛО.

ЧУВСТВУЯ, КАК ОНИ НАПОЛНЯЮТ ЕГО, ОН ВСПОМИНАЕТ УЖИН.

ВЛАДИМИР СОРКИН

ВЕЩИ ВХОДЯТ ВЛАДИМИРУ В ЛИЦО.

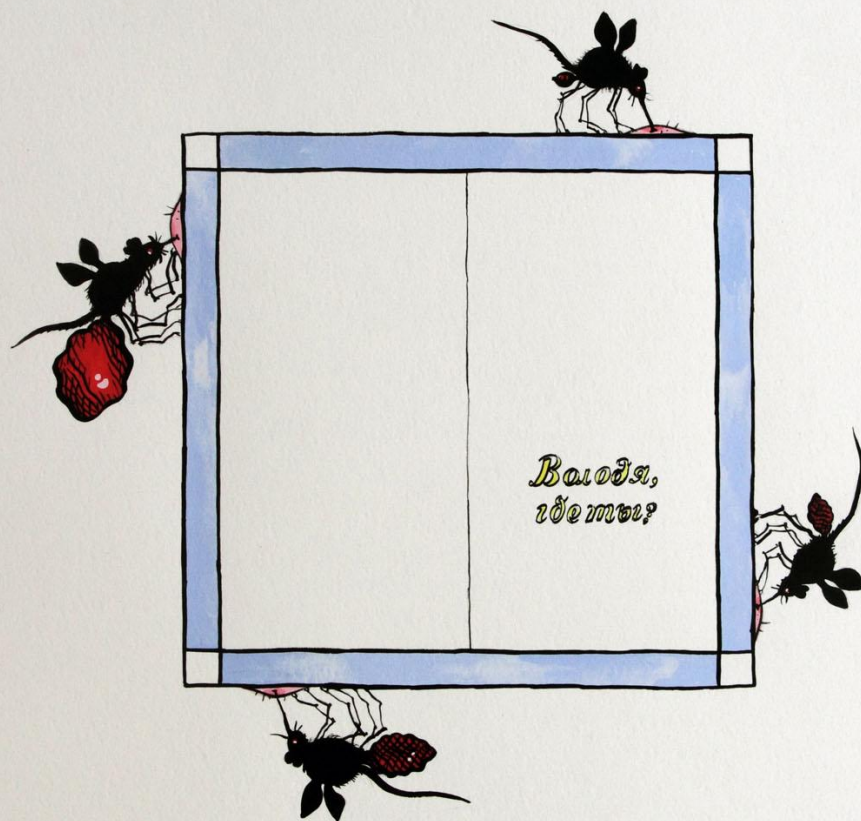

ОН ЗОВЕТ МАТЬ, НО ОНА МЕРТВА.

37

ВЛАДИМИР, ГДЕ ТЫ СЕЙЧАС?

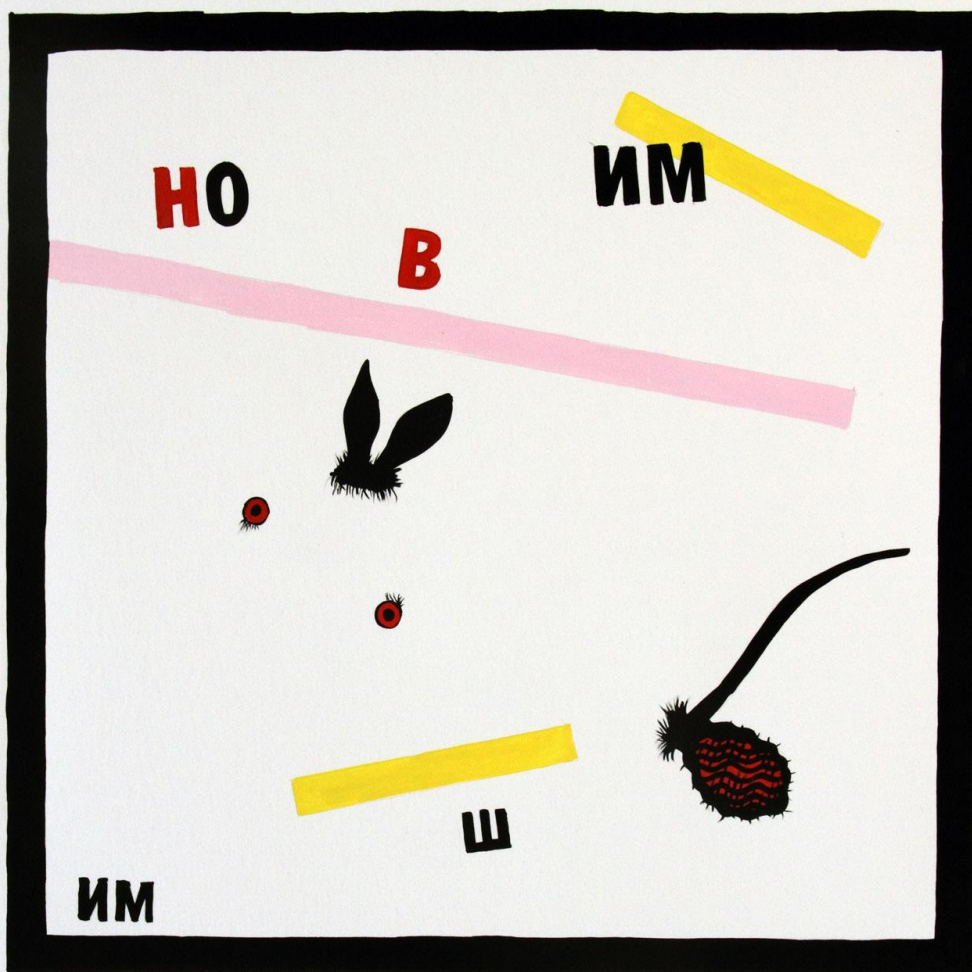
В ГОЛОВЕ, ВСЕ ЕЩЕ ПОЛНОЙ НЕРВНЫХ ТИКОВ И ГРИМАС?

В ТЕЛЕ, ВСЕ ЕЩЕ НЕОТРАЗИМОМ В СВОЕЙ АНАТОМИЧЕСКОЙ ГРАЦИИ?

ИЛИ В ДУШЕ, ОБЖИРАЮЩЕЙСЯ СВОЕЙ ПРЕЖНЕЙ РЕЗИДЕНЦИИ?

А МОЖЕТ, ОН СПИТ СЕБЕ ТИХО В УЮТНОЙ ПОСТЕЛИ,
ВЕДЬ ВСЕ ЭТИ ПРЕДМЕТЫ - ВСЕГО ЛИШЬ ПРЕДМЕТЫ НА САМОМ ДЕЛЕ.

А МОЖЕТ И НЕТ. ПОМНИ, МОИ ДОРОГОЙ,
С ВЛАДИМИРОМ НЕ ТАК ВСЕ ПРОСТО, КАК КАЖЕТСЯ ПОРОЙ.

Перевод с английского – Анна Кравец, редакция – Макс Ломберг.

Фрагменты текста настоящего введения впервые были опубликованы под названием: Рои Розен «Мстительный анимизм: «Ночь Владимира» Максима Комара-Мышкина» ("Vengeful Animism: On Maxim Komar-Myshkin's Vladimir's Night") в сборнике: *Animism: Modernity Through the Looking Glass*, ed. Anselm Franke (Vienna: Generali Foundation, 2011), pp. 104-109.